

У Хуаньин без лишних слов вдавила по педали газа красного Феррари, оставив последнее слово растворяться в сумерках вместе с замершим на месте Ян Чуцзинем.

— И ещё: больше не называйте нас барышнями...

Пожалуй, гордые люди всегда обладают какой-то особой, трогательной чертой.

Как они.

— Черт побери, и это вся информация! — Инь Шэлань швырнул на стол перед Чи Иншунем единственный листок бумаги, его лицо потемнело от злости.

— Ха, а я ведь говорил, — самодовольно усмехнулся Цзо Юньчэнь, словно всё шло строго по его сценарию.

— Похоже, они действительно не так просты, — бегло ознакомившись с досье, быстро заключил Чи Иншунь.

В бумагах значились лишь их пол, рост, вес и сведения о жизни до отъезда из Англии. Суметь настолько тщательно заблокировать информацию даже от расследования Концерна Инь — это выдавало в них крайне подозрительных личностей.

Вскоре взгляд Чи Иншуна упал на фотографию Ваньянь Аньцянь. Да, это была она, та самая девочка из прошлого. Прошло десять лет... через что же ей пришлось пройти?

— Иншунь, неужели ты заинтересовался ею? — пробежавшись глазами по снимку, чисто ради шутки бросил Цзо Юньчэнь.

— Угу, — предельно честно ответил Чи Иншунь.

Цзо Юньчэнь и Инь Шэлань выглядели так, будто их ударило током: они готовы были поверить во что угодно — например, в то, что этот айсберг наконец растает, — либо решили, что у них слуховые галлюцинации.

Ваньянь Аньцянь... И Ши Сюнь...

Если человек меняет имя и скрывается в тени, на это есть две причины: либо он копит силы для удара, либо бежит от кого-то, прячась от всего мира.

И очевидно, она относилась к первой категории.

— Вы, сборище дармоедов, зачем я вас только кормлю! Вам поручили собрать на них досье, и это всё?! Живо возобновить поиски! — сидя на диване в собственной комнате, с покрасневшим от гнева лицом отчитывала стоящих перед ней людей У Синьюань.

Разорвав в клочья бессмысленные бумаги, которые были известны любому прохожему, У Синьюань швырнула их в мусорное ведро, снедаемая жгучей яростью.

Кто они такие в конце концов? Ситуация складывалась крайне не в её пользу: она даже не представляла, с кем имеет дело, так как же собиралась бороться с ними?! Нет, она не могла проиграть, иначе лишилась бы абсолютно всего.

— Мама, что нам теперь делать? — с тревожным вопросом обратилась к матери Вэнь Ли Ваньянь Лиюэ.

— О чём ты только думаешь, вечно нетерпеливая! Чего ты добьёшься с таким характером? — Вэнь Ли с досадой постучала дочь по лбу. — Я сама тихонько разберусь с ними, а ты пока не делай глупых движений.

Сегодня была пятница, а по уставу Калайта пятницы освобождались от занятий и отводились под свободное время. У Хуаньин и Сюйхань отправились в студенческий совет вместе с Чуцзинем в надежде раздобыть хоть какие-то полезные материалы. И Ши Сюнь не проявила к этому никакого интереса и вместо этого направилась в рощу за кампусом.

В этом тихом месте редко кто появлялся, и именно поэтому Сюнь выбрала его. Отыскав относительно чистый участок земли, она слегка расчистила опавшую листву и опустилась на траву.

Когда некому открыть душу, лучшим убежищем становится сама природа. Здесь не нужны слова — достаточно просто вглядываться вдаль, и на сердце становится легко. Ведь пока жив твой внутренний стержень, ничто не сможет остановить тебя на пути вперёд.

— Интересно, ты помнишь меня? — голос, раздавшийся прямо над макушкой, заставил Сюнь инстинктивно поднять голову. Это был Чи Иншунь.

На самом деле она заметила его на дереве ещё раньше, но роща не принадлежала ей одной, и она решила не обращать внимания — в конце концов, пока они не мешают друг другу, всё в порядке.

Парень ловко спрыгнул с ветки и остановился неподалёку от девушки. Налетевший ветер взметнул опавшие лепестки, создавая невероятно красивую картину.

— В моих воспоминаниях нет ничего из того, что было до семилетнего возраста, — спокойно и непринужденно произнесла Сюнь, отвечая на его вопрос.

Дело было не в амнезии — просто тот период жизни был настолько переполнен болью, что в её памяти не оставалось места ни для чего, кроме ненависти. Тем не менее, по-настоящему важное она помнила. Точно так же, как и бутылку молока, однажды принесенную Ваньянь Синьюэ.

— Хочешь, я помогу тебе освежить память? — Чи Иншунь был баловнем судьбы внешне, но отличался на редкость сдержанным и молчаливым характером. Цзо Юньчэнь называл его не иначе как айсбергом, и это было чистой правдой. К сожалению, Сюнь обладала полным иммунитетом к красавцам и ценить их достоинства совершенно не умела.

Сюнь слегка приподняла изящную бровь, жестом предлагая ему продолжать.

Шёл первый месяц того года, когда Ваньянь Аньцянь исполнилось семь лет, и её мать была ещё жива. Они жили в крайней нужде, и хотя семья Ваньянь считалась богатым и влиятельным кланом, матери выделяли на их содержание меньше пятидесяти фунтов в месяц. Не имея другого выхода, Аньцянь тайком срезала цветы в фамильном саду Ваньянь и носила их на продажу, ничего не рассказывая матери. Целых две недели это удавалось скрывать.

Пока в один из дней девочка снова тайком не пробралась в розовый сад. Только она протянула руку к бутону, как её окликнули.

— Ты что здесь делаешь? — детский голосок изо всех сил старался звучать по-взрослому строго, и Аньцянь, забыв о страхе, невольно улыбнулась.

Обернувшись, она увидела мальчика своего возраста, невероятно красивого и миловидного. Его пронзительный взгляд заставил её почувствовать себя неудобно. Мысль мелькнула в голове: пропала, меня поймали, на этот раз точно побьют.

— Я... я ничего не хотела сделать, — сердце Аньцянь едва не выпрыгивало из груди. Мальчик шагнул к ней, и от его пронизательного взгляда ей захотелось броситься бечом.

— Раньше я тебя здесь не видел. Ты, должно быть, дочь кого-то из прислуги? — с уверенностью произнес он. Аньцянь удивилась такой самоуверенности, но отрицать не стала:

— Д-да.

— Ты мешаешь мне спать! — властный тон окончательно испортил впечатление мальчика в её глазах.

— Ой, простите, — выпалила Аньцянь и бросилась бежать из сада, чувствуя, как колотится в груди встревоженное сердце. К счастью, этот мальчик не стал её бить или ругать, иначе тётя Вэнь Ли непременно узнала бы о краже роз.

Но Аньцянь не знала, что стоило ей уйти, как мальчик остался стоять на месте, бормоча себе под нос:

— Меня зовут Чи Иншунь, а тебя?

Он был немного досажен на себя: его очаровала её улыбка, но он умудрился лишь напугать девочку.

Аньцянь не знала и того, что в тот раз он вовсе не собирался прогонять её — напротив, он хотел узнать её имя.

И уж тем более она не могла предположить, что после того дня мальчик станет часто приходить в поместье Ваньянь лишь в надежде снова её увидеть. Она же больше никогда не появлялась в том саду.

Некоторые люди просто обречены раствориться в прошлом, так и не успев произнести прощальные слова.

— Вот оно что, это был ты, — выслушав рассказ Чи Иншуна, Сюнь наконец всё вспомнила. — И что с того?

Разве можно было забыть? Лишившись тех денег от продажи цветов, она тогда голодала дни напролёт. Нагрузка на мать возросла многократно, и её здоровье начало стремительно ухудшаться.

— Почему ты больше не приходила в сад? Я ведь ждал тебя там столько раз.

— Прошное не стоит того, чтобы в нём копаться, — бросила Сюнь и, развернувшись, ушла, оставив парня смотреть на свою хрупкую удаляющуюся спину.

Прямо как тогда: стоило кому-то попытаться прикоснуться к её миру, как она тут же сбегала.

Только на этот раз сбежать не удастся.

Увидев Цан Найтэна, Сюйхань инстинктивно хотела броситься наутёк, но ноги словно налились свинцом, и ей пришлось остановиться. Что ж, пожалуй, она сама виновата: нечего было маяться дурью и слоняться по улицам, уткнувшись носом в землю и не замечая идущего навстречу мужчину в безупречном деловом костюме.

Те же орлиные глаза, источавшие не столько гнев, сколь природную властность, то же благородное лицо. Единственным изменением было то, что некогда угольно-чёрные волосы теперь тронула первая седина. Но почему, глядя на неё, Цан Найтэн выглядел настолько

счастливым?

За все семь лет — от самого рождения и до побега из дома — она ещё ни разу не видела, чтобы этот человек искренне улыбался. А теперь он улыбался. Даже телохранители за его спиной выглядели ошеломлённо-воодушевленными. Почему? Разве Цан Найтэн не должен был ненавидеть её?

— Прошло десять лет. Я искал тебя десять лет, — остановившись в пяти шагах от Сюйхань, хрипло произнес Цан Найтэн. Казалось, на эти слова у него ушло всё мужество и вся оставшаяся жизнь.

— Ах да, разумеется. Родная дочь, которая на самом деле дочь лишь по названию, пропала без вести — конечно, это удар по репутации, — Сюйхань моргнула, чувствуя, как к горлу подкатывает странный ком и предательски щиплет глаза.

Лицо Цан Найтэна мгновенно побледнело, а боль в груди оказалась настолько резкой, что перехватило дыхание.

— Давай поговорим в машине.

То, что Сюйхань не стала отказываться, привело Цан Найтэна в неописуемый восторг. Он тут же распорядился принести две чашки кофе, а сам, устроившись в салоне автомобиля, нервно потирал ладони, не зная, как себя вести. Их длинный лимузин так и стоял припаркованный у обочины.

— Я не пью кофе, — ее любимым напитком был черный чай.

Цан Найтэн тут же смутился.

— Прости, я... я не знал, что тебе нравится. Хочешь, я попрошу принести что-нибудь другое?

Уж чего-чего, а увидеть грозного главу Концерна Цаннань, извиняющегося за такую мелочь, Сюйхань точно не ожидала.

— Ничего страшного, кофе тоже сойдет.

Всё равно разговаривать долго они не собирались.

Следующие десять минут прошли в полном молчании, если не считать того, что Цан Найтэн то и дело украдкой бросал взгляды на лицо Сюйхань.

— Ты невероятно похожа на мать, — наконец нарушил тишину он.

— Ох.

Конечно, она и сама это знала. Разве иначе он стал бы так жесток с ней в детстве? Порой она ненавидела мать — за то, что та родила её, а потом бросила; за то, что оставила одну разрушать некогда счастливый брак с отцом.

Те, кто уходит, покидают этот мир тихо и навсегда. А те, кто остаётся, вынуждены распахивать глаза навстречу бескрайней пустоте и горечи этого мира, лишённые даже крох простого семейного тепла.

— Сяохань, я знаю, тебе трудно простить меня. Я и не смею рассчитывать на твоё прощение, я лишь прошу: не держи зла. Я не смог подарить тебе счастливое детство, напротив — я вымещал на тебе всю свою злость и заставлял страдать. В этом целиком моя вина. Сяохань, я потерял твою мать и больше не хочу терять тебя, свою единственную дочь. Вернись домой, Сяохань... — его голос дрожал, но он упорно договорил до конца. Он был виноват: с самого начала нельзя было перекладывать собственные ошибки на плечи ребёнка.

Что такое семейное тепло? Он никогда не был хорошим отцом. Да что там — отцом его вообще назвать было нельзя.

В отличие от взволнованного и растроганного Цан Найтэна, Сюйхань сохраняла ледяное спокойствие. По крайней мере, внешне.

— Кажется, глава Цан сказал всё, что хотел. Тогда я пойду.

Нажав на кнопку открытия дверей, она уверенно вышла из машины, сунула руки в карманы пальто, слегка поклонилась человеку внутри салона и зашагала прочь.

Сюйхань глубоко вздохнула, отчаянно пытаясь вытравить из памяти виноватое и страдальческое выражение лица Цан Найтэна.

Некоторые вещи невозможно простить просто так — иначе они не терзали бы твой разум все эти десять лет, отказываясь отпустить.

В этот момент рядом с ней притормозил красный Феррари, а следом за ним — синий Порше.

— Садись, — Хуаньин нажала кнопку, и дверца плавно отворилась.

Сюйхань слабо улыбнулась той же гордой, неизменной улыбкой. Грациозно опустившись на сиденье, она произнесла:

— Вы всё видели.

Хуаньин кивнула: да, видела, но вот слов не расслышала.

Сюйхань закрыла глаза и откинулась на спинку кресла:

— Эх, как же я устала сегодня.

Шедшая позади Сюнь невольно усмехнулась. Ну прямо ребёнок.

Нельзя слишком сильно полагаться на хрупкое, легко доступное счастье и слепо верить ему — если оно окажется иллюзией, большее всего будет именно тебе...

Погода постепенно холодала, и Сюнь заботливо протянула по пальто Хуаньин и Сюйхань.

Дружба порой бывает до смешного простой.

— Сюнь вечно возится с нами, как старшая сестра, — игриво скривила губы Сюйхань, но послушно надела пальто.

— Быть объектом нашей заботы — сомнительное удовольствие, — уголки губ Хуаньин изогнулись в улыбке, а в пронзительно-голубых глазах мелькнула нежность.

Сюнь лишь тихо улыбнулась и мастерски припарковала машину.

Стоило им войти в здание академии, как путь преградила до боли знакомая фигура, небрежно прислонившаяся к стене в излюбленной позе.

Ян Чуцзинь.

— Привет, это вам, — Чуцзинь протянул Сюнь пакет с напитками.

Первой мыслью девушек было: от щедрот не жди добра. Впрочем, его коварный план явно увенчался успехом.

Проходившие мимо студенты удивленно косились на них, не веря собственным глазам, а девушки буквально сгорали от зависти.

— Ян Чуцзинь, ты можешь хоть иногда вести себя скромнее! — не выдержала Хуаньин.

— О, здесь мой любимый чай с облачными облаками! — Сюйхань нетерпеливо заглянула в пакет и извлекла заветную баночку, тут же удостоившись синхронного убийственного взгляда от Сюнь и Хуаньин.

— Чуцзинь, ты чересчур щедр. Выкладывай давай, зачем пришёл, — по сравнению с фальшивой улыбкой Сюнь, Чуцзинь выглядел куда менее убедительным.

— Хе-хе, а вот и старшая барышня меня раскусила, — притворно-слащавый тон Чуцзиня заставил Сюнь и Хуаньин покрыться мурашками, а Сюйхань и вовсе выронила соломинку, едва не обозвав его извращенцем.

В мире случается немало неожиданностей, но сегодняшняя странность Ян Чуцзиня явно претендовала на звание загадки года.

Сюнь слегка приподняла брови: похоже, дело пахло керосином.

— Короче говоря... я тут без спросу записал вас троих на выступление к юбилею Калайта, — предсказуемо лица двух из трех девушек мгновенно почернели. — В-вот и всё, я пожалуй пойду!

Обстановка действительно накалялась. Больше всего на свете эта троица не выносила излишнего внимания к своим персонам — как говорится, выше дерева и ветер сильнее.

Но таким девушкам от рождения было на роду написано блистать, и оставаться в тени у них просто не получилось бы.

— Лично я не против, меня сценой не напугаешь, — Сюйхань по-прежнему излучала уверенность и горделивость, ничуть не расстроившись из-за подстроенной ловушки. Она неторопливо заменила соломинку и снова припала к чаю.

Сюнь и Хуаньин обменялись многозначительными взглядами: кандидатов на получение тумачков сегодня явно прибавилось.

Чуцзинь, обладавший отменным инстинктом самосохранения, скрылся за углом до того, как разразилась буря, едва не столкнувшись нос к носу с приближающейся процессией во главе с Чи Иншунем.

— Ого, смотрите-ка, кто тут у нас. Три гордые принцессы, какая невиданная преданность учёбе, — не прошло и недели с момента их перевода в академию, как эти трое нагло отобрали у Ваньянь Лиюэ неофициальный титул принцесс Калайта, из-за чего та носила затаенную обиду.

— Лиюэ, прекрати баловаться, — прикрикнул на сестру Ваньянь Синьюэ и, подняв глаза, тоже заметил Сюнь. — Аньцяннь...

Минутная встреча десятилетней давности заложила фундамент для этой горькой встречи спустя годы.

Сюнь промолчала, лишь на мгновение в ее глазах мелькнула тень.

Столь знакомая забота — пожалуй, это было то тепло, которое уже никогда не повторится в её жизни.

— Брат! — взбешенная Ваньянь Лиюэ едва не топала ногами от злости: родной брат смел потакать чужачкам!

— Сюнь, Хань. Наш день явно не задался — куда ни глянь, всюду лица, которых видеть совсем не хочется, — Хуаньин прислонилась спиной к стене, глядя на У Синьюань. Её безупречные черты лица напоминали сошедшую с небес античную богиню.

У Синьюань тут же жалобно испуганно прижалась к груди Инь Шэланя, вызвав у Хуаньин презрительную усмешку.

— Чего вам от нас нужно?! — Инь Шэлань, чей предел терпения и так трещал по швам от высокомерного отношения У Хуаньин, наконец сорвался, решив поставить нахалку на место.

Но он не понимал главного: прирожденные принцессы никогда не признают поражения.

— С самого первого дня в школе вы только и делаете, что цепляетесь к Лиюэ и Синьюань, думаете, мы будем вечно это терпеть?! — продолжал изрыгать угрозы Цзо Юньчэнь со своей неизменной физиономией плейбоя.

— Именно, не зарывайтесь! — подхватив поддержку, Ваньянь Лиюэ снова задрала нос.

— И кто же здесь вечно устраивает скандалы? — голос Сюнь прозвучал подобно сибирскому антициклону, окатив ледяной волной каждого присутствующего.

— Здесь академия Калайта, а не базар, чтобы вы тут права качали! — температура голоса Чи Иншуня упала до абсолютного нуля. Сам не зная почему, он взбесился, увидев, как Ваньянь Аньцзянь мило беседует с Ян Чуцзином, и оттого выпалил это.

Черт, это было совсем на него не похоже!

Услышав слова Чи Иншуня, Ваньянь Лиюэ самодовольно расплылась в улыбке.

— Права качать? Уровень Калайта меня ни капли не впечатляет, — смысл слов Сюнь был

предельно прозрачен: ни сама академия, ни её студенты в её глазах не стоили ломаного гроша.

Вот это удар.

Сюйхань лишь холодно улыбнулась, хотя в её глазах не было ни капли веселья. Похоже, список врагов пополнился новыми именами.

Тем временем Хуаньин невозмутимо взяла оставшуюся чашку чая и с ленивым щелчком откинула крышку.

— Хватит ломать комедию, все мы здесь студенты, — с раскрасневшимися глазами всхлипнула У Синьюань, вцепляясь в рукав пиджака Инь Шэланя.

Прирожденные актрисы всегда обладают врождённым коварством.

Чашка накренилась ровно на тридцать градусов.

Буро-красная жидкость водопадом хлынула с волос прямо на дорогую одежду.

— Хватит уже притворяться, — Хуаньин небрежно швырнула пустую посудину под ноги У Синьюань, чувствуя невероятное облегчение.

Насладившись всеобщим шокированным вздохом, она с ледяной усмешкой развернулась и пошла прочь.

— Хань, не забудь требовать с них компенсацию за чай, — перехватив подругу под руку, Сюнь впервые за долгое время позволила себе пошутить, что выдавало её прекрасное расположение духа.

— Мой элитный чай ушел на всякую дрянь, просто грабеж среди бела дня!

Переругиваясь на ходу, девушки скрылись за поворотом.

У Синьюань сжала кулаки так, что побелели костяшки, её тело крупно дрожало. На этот раз слёзы текли ручьями вовсе не наигранно — это были слёзы унижения.

— Синьюань! Ты как? Да что они о себе возомнили?! — бросившись к оседающей на пол девушке, Ваньянь Лиюэ принялась промокать её мокрые волосы платком.

— Это уже переходит все границы! — Цзо Юньчэнь больше не пытался строить из себя остроумца.

— Проклятые новенькие! Подумали, что нас можно безнаказанно топтать?! — взревел Инь Шэлань, со злости впечатав кулак в белоснежную штукатурку стены.

Ваньянь Синьюэ молча провожала взглядом удаляющиеся силуэты.

Она больше не была той забитой девчонкой, которую каждый мог ударить, и тем более не собиралась прятаться за чужими спинами.

Эта трансформация произошла лишь ради того, чтобы больше никогда не дать повториться шрамам прошлого.

— Шэлань, Юньчэнь. С сегодняшнего дня они — общие враги всей нашей школы, — Чи Иншунь чувствовал себя так, будто его внутренний мир раскололся надвое. Он понятия не имел, правильно ли поступает. Но по крайней мере, так он сможет узнать её лучше.

— Я... я уверена, сестрица и остальные не хотели ничего плохого...

— Синьюань, ты всё ещё защищаешь их? До чего же ты наивна! — оборвала её Ваньянь Лиюэ.

Ваньянь Синьюэ с подозрением покосилась на У Синьюань, слегка нахмутив брови.

Когда спектакль фальшив настолько, неизбежно начинают зиять прорехи.

— Хуаньин, ситуация немного вышла из-под контроля, впрочем, не страшно. Что делаем дальше?

— Наверное, будет сложнее, раз уж Инь Шэлань — официальный жених этой плаксы.

— Вовсе нет. При желании это всего лишь её личные фантазии, семья Инь ещё ничего не подтверждала, — Сюнь шагнула вперёд и подняла голову.

Осеннее небо никогда не бывало кристально-синим, но казалось таким бесконечно высоким.

Достать до него — уже роскошь.

— У Синьюань мне и даром не нужна. Стоит прибрать к рукам клан У, как даже У И превратится в пешку, — спокойно произнесла Хуаньин, присоединяясь к Сюнь и Сюйхань.

Три безупречные фигуры плечом к плечу смотрели в бесконечную высь, где облака никак не складывались в единый узор, отбрасывая на асфальт длинные тени.

<http://bllate.org/book/21102/2142251>